

Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности

Г.С. Иваненко

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
пр. Ленина, 69, 454080, Челябинск, Россия. E-mail: gala.april@mail.ru*

Социальные сети – относительно новый вид коммуникации, имеющий свою специфику. В статье поднимается проблема коммуникации в социальной сети в аспекте ее конфликтогенности. Анализ современной судебной практики показал, что количество разбирательств, в которых общение в социальной сети сыграло существенную роль, увеличивается. Рассмотрены факторы сетевого взаимодействия, влияющие на возникновение и развитие конфликта. К факторам конфликтогенности коммуникации в социальной сети отнесены следующие: 1) недифференцированность признаков публичность/интимность, ставшая результатом гибридизации языковых моделей и средств публичной и частной коммуникации; 2) отсутствие невербальных средств коммуникации, которое отчасти, но недостаточно компенсируется специфической идеографической знаковой системой интернет-общения; 3) круглосуточная доступность сети и, в связи с этим, растянутость коммуникации во времени, порождающая временную нелимитированность коммуникации как провокацию снижения самоконтроля и несовпадения временных возможностей коммуникантов; 4) ослабление традиционных этических запретов для заочного общения как результат попытки использовать различные, в том числе отличающиеся от свойственных очной коммуникации, образы и отражающие их культурные коды; 5) стилистическая сниженность речевой культуры коммуникации, реализованная в двух типах: использование стилистически сниженной лексики для имитации разговорной дискурсивной практики и употребление просторечного, жаргонного, табуированного пласта языковых средств с целью осуществления речевой агрессии, нанесения речевого удара. Осознание причин речевого конфликта в социальной сети, нередко приводящего к нарушению правовой нормы и к судебному разбирательству, минимизирует возможность его возникновения и позволяет извлечь из предоставленного техническим прогрессом нового способа коммуникации максимальную пользу.

Ключевые слова: конфликт, социальная сеть, факторы конфликтогенности.

Communication in Social Networks: Factors of Potential Conflicts

G.S. Ivanenko

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
69 Lenin Ave., 454080, Chelyabinsk, Russia. E-mail: gala.april@mail.ru*

Social networks are a relatively new type of communication that has its own specificity. The article raises the problem of communication in the social network in terms of potential conflicts. The analysis of modern judicial practice has shown that the number of proceedings in which communication in the social network has played a significant role is increasing. The factors of network interaction that influence the emergence and development of conflict are considered. The factors of conflict communication in social networks include the following: 1) lack of differentiation between the features publicity/ privacy, resulting from the hybridization of language models and means of public and private communication; 2) lack of non-verbal means of communication, which is partly, but not fully enough, compensated through specific ideographic sign system of the Internet communication; 3) round-the-clock network availability and, in this regard, extended communication time, which generates unlimited communication, provoking decrease of self-control and diversity in time; 4) the weakening of traditional ethical prohibitions for communication at distance as a result of an attempt to use various images and cultural codes that reflect them in face-to-face communication, including those that differ from those inherent to face-to-face communication; 5) stylistic degradation of the speech culture of communication, manifested in two types: the use of lower-range vocabulary to imitate colloquial discursive practice and the use of colloquial, slang, taboo language units for the purpose of speech aggression, verbal insult. Awareness of the causes of speech conflicts in social networks, often leading to the violation of legal rules and to legal proceedings, minimizes the risk of its occurrence and makes it possible to get the maximum benefit from the new communication means provided by the technological progress.

Key words: conflict, social network, conflict factors.

Феномен социальных сетей в современной культуре [Шипицын 2011] настолько значим, что начал стремительно и многоаспектно изучаться различными научными дисциплинами: социологией, философией, психологией. Заметное место это явление занимает и в речевой культуре, в связи с чем входит в сферу интереса лингвистики.

Социальные сети – явление для речевой практики новое, если измерять его привычными для языка мерками, согласно которым и 100 лет – не срок. Конечно, надо учитывать и ускорение всех процессов в наше время, в том числе в сфере функционирования языка.

Слово «язык» в этом контексте следует, пожалуй, употреблять с осторожностью. Скорее всего, в значительном количестве обсуждаемых лингвистами явлений предметом рассмотрения является речь, речевая практика, речевые модели. Они становятся актуальными или деактуализируются, не изменяя языковой структуры, базовых норм, грамматики. Хотя, конечно, речевая практика не только отражает уже имеющуюся языковую структуру, но и порождает новые нормы [Иваненко 2018].

Вхождение в нашу жизнь социальных сетей существенно изменило структуру и содержание коммуникативной практики [Гуль 2016]. В свете функционального подхода к грамотности в широком смысле этого слова [Адаева 2015], целью обучения в курсе русского языка является прежде всего владение навыком коммуникации в устной и письменной форме. Динамические процессы в языке и в речевой практике неизбежны, попытки остановить их обречены на провал [Иваненко 2019 (а)]. Следуя известному принципу, применим его к нашей ситуации: «Не можешь противостоять изменениям – возглавь их». Сказано не без преувеличения – конечно, возглавить сами изменения лингвисты не могут, но могут активно их изучать и прогнозировать те направления коммуникативной культуры, вектор движения которых уже определен. Формирование коммуникативной компетенции [Глухих, Миронова 2019] учителя и ученика не может сегодня состояться без внимания к новым средствам общения, порождающим новые же формы, модели, речевые жанры. Школа, образовательный процесс должны реагировать на появление и актуализацию современных средств коммуникации и снабжать ученика инструментарием для их использования. А потому формированию культуры общения в социальной сети у детей нужно уделить особое внимание.

Анализ коммуникативных конфликтов, ставших предметом судебного разбирательства, показал, что все чаще столкновение интересов происходит именно в социальных сетях. Очевидно, что это всего лишь инструмент реализации потребности во взаимодействии людей, которые и при других формах установления контакта выражают свою личность со всеми ее особенностями. И все же участие в качестве эксперта в ряде процессов, одним из доказательных средств в которых явились протоколы коммуникации в социальных сетях, показало ее особую значимость. Социальная сеть проявляет себя не только как техническое средство – она становится увеличительным стеклом, провокатором, непроницаемой повязкой на глазах. Она одушевляется и олицетворяется, превращаясь в реального участника событий. В тех ситуациях, которые подверглись анализу, социальная сеть была отрицательным персонажем. Возможно, такая её роль обусловлена заданным ракурсом взгляда.

Следует отметить, что общение в сети представлено множеством моделей. Анализу подвергались конфликтные тексты коммуникации на преимущественно открытых площадках, либо же коммуникации собранных в группу людей, не взаимодействующих регулярно вне сети. Например, таковы родительские чаты, в которых родители одноклассников обсуждают дела детей и нередко доходят до острого противостояния.

Перечислим выявленные факторы конфликтогенности коммуникации в социальных сетях.

1. Недифференцированность признаков публичность/интимность.

Существовавшая в предыдущую, «досетевую» эпоху коммуникативная культура была достаточно отчетливо представлена двумя дискурсами: частного и публичного общения. Дифференциация поддерживалась на всех уровнях: лексическом, грамматическом, стилистическом. Отличался отбор лексики: официально-деловой и публицистический дискурс достаточно жестко диктовали использование своего лексикона, не принимающего вкраплений из разговорно-обиходной речи. Заявление писалось по образцу, отчет по плану. Выступление на собрании могло, конечно, не быть восторженным, но даже в том случае, когда оно содержало критику, формы ее выражения не допускали принципиальных нарушений публичной этики. Сами модели коммуникации в публичной сфере предполагали череду ограничений. Например, обращение к оппоненту на «Вы» было нормой, как и отсутствие бранных и стилистически сниженных лексем.

В дискурсивной же практике бытового общения царил вполне естественный произвол, отражающий уровень культуры коммуникантов и традиции среды. Социальные среды всех времен и народов разнообразны и исторически изменчивы, но в любом случае предполагают некую большую свободу форм самовыражения, чем в публичном пространстве.

С приходом феномена «социальная сеть» начался процесс гибридизации языковых моделей и средств публичной и частной коммуникации. Например, статья в сети, выдержанная в классической манере интеллектуального аналитического письма, выставленная на всеобщее обсуждение, собирает комментарии, авторы которых относятся к другой социальной среде, имеют иные политические взгляды и иной культурный код. В реальной жизни эти люди могли бы никогда не встретиться, поскольку они находятся в разных общественных нишах. Сеть свела их и обнажила несходство их коммуникативной и речевой практики. И такое пересечение становится катализатором конфликта. Люди говорят на разных языках, причем каждый воспринимает манеру общения оппонента как оскорбление.

Как известно теории и практике риторики, не только качества коммуникантов (пол, возраст, социальный статус, уровень образованности) определяют характер и средства коммуникации, но и другие объективные факторы [Введенская, Павлова 2015]. Так, место и время общения, количество участников взаимодействия традиционно признаются компонентами коммуникативной ситуации, влияющими на стилистику поведения и отбор речевых моделей. Преподаватель на занятии с группой из пяти магистрантов в пятницу вечером или из 30 студентов-первокурсников в понедельник утром после каникул будет вести себя по-разному. Например, маленькая группа позволит вести занятие сидя, поскольку цели будут достигнуты без дополнительных организационных усилий. Не потребуются применение риторических приемов актуализации внимания, возможен более быстрый темп речи, более сложные конструкции, как и более сложные темы обсуждения. При личном контакте коммуниканты избирают те средства, которые соответствуют ситуации.

При общении же в сети описанные факторы коммуникантам не известны. Человек, пишущий пост, не знает, кто его читает, в какое время суток, в какой атмосфере, и, соответственно, реализует себя без ориентации на потребителя его речевого продукта, что является, на наш взгляд, первым и главным конфликтогенным фактором дистанционной коммуникации. В значительном количестве ситуаций участники общения в сети находятся в гибридном дискурсе, плавающем относительно категорий публичность/непубличность. Одни затевают серьезный разговор, другие низводят коммуникацию до фарса. Безусловно, существуют сложившиеся группы по интересам, дискурсивная практика в которых установилась и функционирует вполне успешно. Но особенность сетевого общения состоит именно в том, что в целом оно достаточно открыто, и во многих нишах именно смешение интимности и публичности становится причиной неуспешности коммуникации.

2. Отсутствие невербальных средств коммуникации.

Устное контактное общение предполагает неразрывную связь вербальных и невербальных средств [Биркенбил 2014; Горелов 2015]. Многие люди даже общение по телефону не принимают как полноценное, поскольку не могут наблюдать живой реакции собеседника. А как же эпистолярная культура? Да, культура письма предполагала дистанционную коммуникацию, но и она выработала свои модели и приемы взаимодействия [Глухих 2008]. Искусству письма обучались, и лучшие образцы этого жанра демонстрируют

многочисленные и тонкие средства актуализации внимания далекого собеседника и сохранения эффекта живого присутствия и естественного разговора. Письма, рассчитанные на понимание и глубокое взаимодействие, как правило, не были короткими, они содержали описание тех обстоятельств, которые были важны адресанту в момент написания письма и которые помогали адресату эмоционально приблизиться к собеседнику.

К сожалению, современные посты и реплики в сети далеки от лучших образцов эпистолярного жанра мировой культуры. Сам дух нашего эргономичного времени не предполагает той медитативности и психологической детализации, которые придавали общению на расстоянии эффект живой близости. Следует, однако, отметить наличие и постоянное развитие специфических средств, сопровождающих коммуникацию в сети и отчасти компенсирующих нехватку невербальной составляющей. Это эмодзи (или эмоджи) — язык идеограмм и смайликов, используемый в электронных сообщениях и веб-страницах. Но и этот компенсатор недостаточен. Во-первых, он слишком груб по сравнению с живым языком реальной мимики, пластики, интонирования. Во-вторых, он используется осознанно, отражая результат фиксации эмоции автором сообщения, в то время как реальные невербальные реакции безотчетны и естественны.

Нередко конфликт в сети усиливается по той причине, что один из участников общения читает написанные слова, не видя собеседника и потому не понимая причин чрезмерной краткости ответа, граничащей с грубостью. А причины могут быть самыми различными: бытовыми, физиологическими. При контактном общении адресат увидел бы состояние собеседника, телефонный разговор тоже дал бы возможность пусть не визуально, но интонационно обозначить эмотивный фон: смягчить, придать шутливую тональность, которая остается с автором и не передается при общении в сети.

3. Растяннутость коммуникации во времени, круглосуточная доступность сети.

Для решения деловых вопросов, наверное, хорошо, что в любое время суток почти из любой точки земного шара сегодня возможно сообщить необходимую информацию. Хотя даже в отсутствие конфликта круглосуточная доступность коммуникантов дезорганизует их, лишает необходимости решать все рабочие вопросы в течение рабочего дня. Но в аспекте конфликтности названный фактор играет негативную роль, имеющую несколько проявлений.

Во-первых, режим работы, сна и бодрствования у каждого свой. К тому же коммуниканты могут находиться на разных концах планеты, в разных часовых поясах. Казалось бы, возможность высказаться в удобное время — прекрасное решение для заочного общения. Однако такой корректный выжидательный режим характерен для общения по электронной почте. Социальная сеть требует активности. Как это происходит? Коммуникант/коммуниканты нередко требуют ответа, вызывают к аудитории, обвиняют в молчании, побуждая человека, который не настроен на общение, все же включиться в него.

Во-вторых, независимо от часового пояса и режима, каждый человек должен иметь личное время изоляции от социума. Психологам еще предстоит изучить психозы нового времени, обусловленные постоянным напряжением, нахождением в зоне доступности. Специалисты, занимающиеся риторикой, еще до эпохи сетевой коммуникации высказали мысль о лимите потребности в общении, свойственном каждому из нас [Стернин 2009: 19]. Этот индивидуальный показатель у разных людей не совпадает, и навязываемое общение в сети может раздражать и утомлять человека. Закономерно предположение, что сетевое общение не может быть насильным. Но, по-видимому, формируется новый тип зависимости — зависимость от сетевой коммуникации. Жажда понимания, признания, желание быть включенным в систему, страх что-то пропустить, предоставить лидерство оппоненту — все эти мотивы заставляют человека, преимущественно юного, несмотря на дискомфорт, продолжать участие в коммуникации.

В рассмотренной конфликтной ситуации при общении в группе один коммуникант постоянно призывал к ответу другого, который, судя по кратким репликам, уже исчерпал свой лимит общения, но упреки и обвинения вызывали опасения, что не его слово останется последним, и заставляли поддерживать непрерывающуюся агрессивную беседу. В реальной жизни ситуация уже как-нибудь разрешилась бы, а сеть позволяет сутками, в любом месте (в транспорте, магазине, на улице) поддерживать коммуникацию.

В-третьих, круглосуточная доступность коммуникации обесценивает ее и делает спонтанной. Коммуниканты не оставляют себе времени на раздумье, как это было бы в ситуации периодического личного общения, при телефонной коммуникации, в эпистолярной (в бумажном или электронном варианте). Один конкретный акт коммуникации может быть и спонтанным, и конфликтным, но он имеет конец. Общение в сети может быть растянуто. Так, предметом рассмотрения автора однажды стал полугодовой марафон сетевой коммуникации, превратившийся в непрерывающийся конфликт.

Приведенные минусы круглосуточной доступности в сети не означают призыва искоренять бороться с новыми формами общения. Нам следует учиться разумно относиться к нему, зная заложенные в его природе опасности, избегать их.

4. Ослабление традиционных этических запретов для заочного общения.

Заочное общение, прежде всего общение незнакомых в реальной жизни людей, позволяет создавать любые образы. У людей появляется возможность сыграть в себя «другого». То, что первое «я» подвергло бы осуждению, «альтер эго» с интересом испытывает. Порождением этих экспериментов являются новые культурные коды — коды другой социальной ниши. Хорошая девочка в сети примеряет на себя образ опытной женщины. Мальчик-скрипач начинает вести себя как уличный бандит. Психологам предстоит разбираться в этом психологическом феномене, определять его причины и следствия и включать в контекст психологического становления личности. По-видимому, важно, какие именно запреты снимаются и в какой мере и степени. В лингвистическом аспекте можно только констатировать в качестве результата такого снятия этических запретов появление конфликтов и развитие их, вплоть до выхода за рамки закона.

Человеку, защищенному экраном монитора или гаджета, кажется, что он бросил реплику в воздух. Однако очень часто обвинения в экстремистских высказываниях выдвигаются против молодых людей, которые в сети в монологическом порыве на политическую тему или в горячей дискуссии оторвались от реальности и нарушили этический и правовой запрет: выразили националистическую идеологию или комплиментарно отозвались о террористических мерах. Хотелось бы верить, что в действительности эти люди не думают так. Но закон, как и история, не знает сослагательного наклонения. И в значительной мере иллюзия одиночества в сети спровоцировала молодого человека примерять на себя чужую маску: он ощущал себя без свидетелей перед зеркалом. Но коварство Сети состоит в том, что она размывает границу между интимным пространством и публичностью, которая в действительности нарушается не в момент отклика на высказывание, а в момент отправки сообщения.

У современных школьников следует формировать ответственность за отправленные ими в сеть слова. Сравним сетевую и досетевую эры в аспекте отношения к этическим запретам. Предположим, что человеческая природа в общих чертах тождественна во времени. Но при персональном контакте внешние факторы играли сдерживающую роль, в ситуации публичности — открытая сиюминутная общественная реакция. В сетевую эпоху жажда адреналина в совокупности с осознанием несиюминутности возмездия

снимает этический запрет. Результатом становятся дела не только в рамках антиэкстремистского законодательства [Иваненко 2013 (б)], но и другие: распространение порочащих сведений, оскорбление [Иваненко 2013 (а)], склонение к совершению самоубийства [Иваненко 2019 (б)], нарушение авторских прав.

5. Стилистическая сниженность речевой культуры коммуникации.

Настоящий пункт является следствием предыдущего. Снижение речевой культуры – одно из проявлений снятия этических запретов. Можно выделить два типа стилистически сниженной речевой манеры коммуникации в сети.

Первый тип – ведение письменной речи по законам устной, притом в рамках разговорной дискурсивной практики. Проще говоря, в этом случае участник общения в сети переносит в поле беседы то, что он сказал бы в устной форме, притом в неофициальной обстановке. Весь арсенал ненормативной лексики: просторечия, бранные слова, включая табуированную лексику, жаргонизмы, сленг, обценную лексику – все используется без ограничений. Коммуникант как бы «общается со своими», он неоправданно полагает всех участников общения в сети носителями того же лексикона и моделей речевого поведения. Результатом ошибки становятся конфликты, порожденные коммуникативной перверсией.

Второй тип – демонстративное, а не естественное использование ненормативной лексики. Жонглирование словами, которые с высокой вероятностью могут шокировать, неприятно удивить, возможно, подавить или испугать оппонента в сети. Стилистически сниженная лексика используется как инструмент доминирования: я вот так могу, а что ты мне скажешь?

То есть в первом случае стилистическая сниженность речи – результат низкого уровня речевой, а во втором – поведенческой культуры. Но в любом случае конфликтность общения в таком режиме повышается. Оппонируя тезису о естественности нелитературного лексикона в ряде дискурсов («мы матом не ругаемся, мы на нем разговариваем»), констатируем по результатам анализа конфликтных диалогов и полилогов: именно бранное слово в значительном количестве случаев направляет коммуникацию в сторону конфликтного общения. Примечательно, что бранная, обценная лексика, нацеленная на принижение адресата, – лишь часть нелитературного пласта, однако конфликтными являются не только оскорбительные высказывания, призванные установить доминирование над оппонентом, но и нелитературные комментарии явлений, событий, которые, казалось бы, не посягают на честь и достоинство участников группы. Сфера конфликтности значительно шире сферы правовых запретов. Все-таки нормативная речь воспринимается преобладающей частью коммуникантов как правильная знаковая система для коммуникации, а жаргон, сленг – как неправильная. Суждение действительно только для открытых или социально немаркированных групп. Коммуникация узких групп не изучалась.

В заключение расскажем одну конкретную историю коммуникации в сети, имеющую нерадостный финал. Два молодых человека выясняли в сети свои взаимоотношения, в основе которых лежал затекстовый конфликт – соперничество в отношениях с девушкой. В реальной жизни коммуниканты довольно длительное время не могли контактировать. Существенно, что реальный конфликт хотя и был, но к моменту очной встречи был исчерпан. Естественный конфликт в ходе общения в сети перерос в искусственный, словесный. Изучение взаимодействия коммуникантов показало, как все перечисленные факторы конфликтности столкнули оппонентов в уже реальном, физическом конфликте, закончившемся для одного инвалидностью, для другого судимостью.

ВЫВОД. Средства социальной сети способны не только отразить объективно существующий конфликт, вербализовать его, но и гиперболизировать противостояние. Выявлены следующие факторы конфликтности коммуникации в социальных сетях: недифференцированность признаков публичность/интимность, отсутствие невербальных средств коммуникации, растянута коммуникация во времени, круглосуточная доступность сети, ослабление традиционных этических запретов для заочного общения, стилистическая сниженность речевой культуры коммуникации.

Наличие обстоятельств, увеличивающих возможность создания и развития конфликта в сетевом общении, совершенно не означает, что новый формат взаимодействия плох и от него следует отказаться. Все новое в истории цивилизации всегда проходило путь адаптации, вживания в социум. Именно такой этап проходит сейчас сетевой способ общения, порождающий конфликты, попадающие под правовые запреты и перерастающие в правовое противостояние. Поэтому и нужно осознать причины конфликтности и выработать меры ее минимализации.

Литература

- Адаева О.Б., Иваненко Г.С. От целеполагания к условиям реализации: о концепции курса русского языка в школе / Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10. – С. 14-20.
- Биркенбил В. Язык интонации, мимики, жестов. СПб., 2014.
- Введенская Л.А., Павлова А.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов-на-Дону, 2015.
- Глухих Н.В. Диалогичность как типологический признак эпистолярного делового текста конца XVIII - начала XIX века / Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 19. – С. 362-374.
- Глухих Н.В., Миронова А.А. Приемы формирования коммуникативной компетенции будущего учителя в деловом общении. / Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 91-101.
- Гуль А.Ю. Роль социальных сетей в современных коммуникативных практиках / Культурологические чтения – 2016 / Материалы международных научно-практических конференций. Екатеринбург, 2016. – С.52-56. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43311/1/kulch_2016_10.pdf
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 2015.
- Иваненко Г.С. Формирование представления о динамических процессах в языке и языкознании как средство становления гуманитарного мышления / Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 472-475.
- Иваненко Г.С. Лексикография и судебная лингвистическая экспертиза: перспективы взаимодействия. / Юрислингвистика. – 2018. – №7/8 (18/19). С. – 98-118. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2018\)7-810](https://doi.org/10.14258/leglin(2018)7-810)
- Иваненко Г.С. Еще раз о «неприличной форме выражения» / Юрислингвистика. – 2013. – №2 (13). – С. 92-96.
- Иваненко Г.С. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-2 (22). – С. 82-87.
- Иваненко Г.С. Склонение к совершению самоубийства / доведение до самоубийства: лингвистическая трактовка дифференциации содержания ст. 110 и ст. 110.1. УК РФ. Юрислингвистика. – 2019. – № 14 (25). – С. 14-18. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2019\)1403](https://doi.org/10.14258/leglin(2019)1403)

Кнапп М.Л. Невербальные коммуникации. М., 2013.

Стернин И.А. Деловое общение / Учебное пособие для старшеклассников и студентов. – Воронеж, 2009.

Шипицын А.И. Феномен социальных сетей в современной культуре / Известия ВГПУ. – 2011. – № 3(57). – С. 36-40.

References

- Adaeva, O.B., Ivanenko, G.S. (2015). From goal-setting to implementation conditions: on the concept of the Russian language course at school. Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 10, 14-20 (in Russian).
- Birkenbil, V. (2014). Language of intonation, facial expressions, gestures. St. Petersburg (in Russian).
- Vvedenskaya, L.A., Pavlova, A.G. (2015). Culture and art of speech. Contemporary rhetoric. Rostov-on-Don (in Russian).
- Glukhikh, N.V. (2008). Dialogue as a typological feature of an epistolary business text of the late 18th - early 19th centuries. Problems of history, philology, culture, 19, 362-374 (in Russian).
- Glukhikh, N.V., Mironova, A.A. (2019). Techniques for the formation of the future teacher's communicative competence in business communication. Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 4, 91-101 (in Russian).
- Gul, A.Yu. (2016). The role of social networks in modern communication practices. Cultural readings – 2016. Materials of international scientific and practical conferences. Yekaterinburg, 52-56. URL: http://elar.uurfu.ru/bitstream/10995/43311/1/kulch_2016_10.pdf (in Russian).
- Gorelov, I.N. (2015). Non-verbal communication components. Moscow (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2019). Formation of an idea of dynamic processes in language and linguistics as a means of the formation of humanitarian thinking. The world of science, culture, education, 6 (79), 472-475 (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2018). Lexicography and forensic linguistic examination: prospects for interaction. Legal linguistics, 7/8 (18/19), 98-118. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2018\)7-810](https://doi.org/10.14258/leglin(2018)7-810) (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2013). Once again about the "indecent form of expression". Legal linguistics, 2 (13), 92-96 (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2013). Analysis of the form of speech influence on the addressee as an aspect of judicial research of an extremist text. Philological sciences. Questions of theory and practice, 4-2 (22), 82-87 (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2019). Inclination to commit suicide / drive to suicide: a linguistic interpretation of the differentiation of the content of Art. 110 and Article 110.1. Of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal linguistics, 14 (25), 14-18. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2019\)1403](https://doi.org/10.14258/leglin(2019)1403) (in Russian).
- Knapp, M.L. (2013). Non-verbal communication. Moscow (in Russian).
- Sternin, I.A. (2009). Business communication. Textbook for high school students. Voronezh (in Russian).
- Shipitsin, A.I. (2011). The phenomenon of social networks in modern culture. Izvestiya VGPU, 3 (57), 36-40 (in Russian).

Citation:

Иваненко Г.С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности. // Юрислингвистика. – 2020. – 18. – С. 21-25.

Ivanenko, G.S. (2020). Communication in Social Networks: Factors of Potential Conflicts. Legal Linguistics, 18, 21-25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License